

РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ

Г. Г. Мокина

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ КРЕСТЬЯН ВЫТЕГОРСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце XIX — начале XX века Вытегорский уезд входил в состав Олонецкой губернии, которая относилась к числу самых малонаселенных в Европейской России. На одну квадратную версту в ней приходилось 3,9 человека. Менее населена была только Архангельская губерния, где плотность населения составляла всего лишь 0,6 человека на одну квадратную версту¹.

Вытегорский уезд граничил с запада с Лодейнопольским, с севера — с Пудожским и Каргопольским уездами, с востока и юга — с Новгородской губернией. По плотности населения — 5,1 человека на одну квадратную версту — уезд занимал третье место в губернии после Петрозаводского и Лодейнопольского². На 1 января 1913 года в уездном городе Вытегре насчитывалось 5616 человек, а в деревнях и селах уезда — 59 990 человек³.

Главным занятием населения Вытегорского уезда являлось земледелие, однако неблагоприятные климатические условия и истощенные, неплодородные почвы препятствовали его развитию. Вследствие недостатка хороших сенокосов и пастбищ животноводство было развито слабо. Для удобрения земли в целом по уезду недоставало около 10 миллионов пудов навоза, что составляло более $\frac{2}{3}$ потребности⁴. Собственного хлеба крестьянам Вытегорского уезда хватало не более чем на 9 месяцев, остальное время они должны были жить за счет привозного. На душу населения в уезде производилось только

6,5 пуда хлеба⁵. Не приобрели товарного значения и другие отрасли сельского хозяйства. Это заставляло крестьян искать заработок в неземледельческих занятиях. Так, в 1907 году в Вытегорском уезде промыслами занимались 16 274 человека, в 1908 году — 15 613 человек, в 1909 году — 16 336 человек, что составляло более 60 процентов взрослого населения⁶.

Лесной промысел

В конце XIX — начале XX века в Вытегорском уезде большого размаха достигли заготовка и обработка древесины. Лесной промысел, заключавшийся в рубке леса, доставке его к месту сплава, самом сплаве, рубке и распиловке дров, стал главным источником дохода для основной массы крестьян. Развитию лесной промышленности в уезде способствовали соседство с Петербургом, удобный сплавной путь — Марининская водная система, а также создание в уезде собственной лесоперерабатывающей промышленности. В конце XIX века в Вытегорском уезде уже имелось 5 лесопильных заводов: Кондусский купца А. Ф. Лопарева, Ужельский купчихи Е. И. Матвеевой, купца Неворотина в Бадожской волости, Вытегорский и завод в селе Константиновские Пороги. Наиболее крупными из них были лесопильный завод Брандта и Линдеса в Вытегре (немецкая фирма «Э. Г. Брандт и К^о»), ежегодно распиливавший досок на 278 тысяч рублей, и завод Ратькова-Рожднова (фирма «Громов и К^о») в Константиновских Порогах, распиливавший досок на 185 тысяч рублей в год⁷. В начале XX века англичанин Рейнольдс построил лесопильный завод в Рубеже. О росте лесозаготовок свидетельствует тот факт, что в 1878 году в Вытегорском уезде было отпущено местным лесопромышленникам 429 474 бревна, в 1879 году — 538 805 бревен, а в 1890 году — уже 609 928 бревен. В 1898 году рубкой и вывозкой леса для местных лесопромышленников было занято 3200 крестьян уезда, а в 1911 году — 4836⁸.

Лесной промысел был хорошо развит потому, что оказался одинаково доступен как для крестьян, имевших лошадей, так и для безлошадных. Первые вывозили лес к сплавным рекам, а вторые заготавливали его. Кроме того, лесные работы выполнялись, как правило, в свободное от полевых работ время. Заняты были лесным промыслом в большей или меньшей степени крестьяне всех волостей Вытегорского уезда.

«Нужда гонит вытегора на заработки. Каждую зиму едут мужички целыми обозами на лесные заготовки и в земляные работы по каналу. В среднем каждый рабочий с лошадью ежедневно зарабатывает от 75 копеек до одного рубля. Если вычтешь из этого на прокорм себя и лошади, то в общем бедняк ничего почти не заработает»⁹. Хоро-

шо, если лесоразработки находились недалеко от селений и крестьянам можно было возвращаться к ночи домой. Если же нет, то им приходилось ночевать в лесу в избушках, а порой и в шалахах, сооруженных из еловых веток. В случае, когда лесоразработки производились вдали от селений, подрядчики нанимали крестьян целыми артелями.

В начале XX века рядом со своими селениями занимались заготовкой леса крестьяне только четырех волостей Вытегорского уезда: Десятинской, Бадожской, Чернослободской и Ухотской. Крестьяне Вытегорской волости заготавливали лес недалеко от Вытегры, Коштугской — в 3—15 верстах от дома, Кондушской — в Коштугах, на реках Мегре и Леме, Андомской волости — за 20 верст, крестьяне Макачевской и Тихмангской волостей на лесозаготовки уходили в Сойду. Но дальше всех от своих селений уходили крестьяне Шильдской волости — за 50 верст¹⁰. Они, как правило, отправлялись на лесные работы артелями — по 6 или 9 человек. 6 человек брали с собой двух лошадей, а 9 — трех, то есть при каждой лошади были возчик и два заготовителя леса¹¹. В течение всей зимы крестьяне, уходившие на лесозаготовки на значительные расстояния от своих селений, домой приходили только 2—3 раза за кормом для лошадей и съестными припасами для себя.

Лесозаготовительные конторы сразу же после окончания сельскохозяйственных работ рассылали по деревням подрядчиков, которые выполняли обязанности по найму рабочих и расчетам с ними. Через этих подрядчиков еще задолго до начала работ лесопромышленники ссужали крестьян хлебом и другими продуктами, а иногда и деньгами на уплату податей. Таким образом, крестьяне получали задаток, который должны были затем отработать. При подобных обстоятельствах они попадали в зависимость от лесопромышленников. Труд их ценился значительно ниже, чем при свободном найме, а продукты отпускались, как правило, по более высокой, чем у торговцев, цене и не всегда были хорошего качества.

В 1898 году за вырубку и доставку одного бревна к месту сплава крестьянам Вытегорского уезда платили от 15 копеек до 1 рубля 50 копеек в зависимости от расстояния до сплавных рек, которое колебалось от 20 до 75 верст. В 1907 году крестьяне стали ходатайствовать о повышении платы, и некоторые лесопромышленники вынуждены были пойти на уступки: прибавили 5 копеек на бревно¹². Какая-никакая, но все-таки это была прибавка.

Условия работы на лесозаготовках были необычайно тяжелыми. Лесорубы, прибыв в лес, обычно в течение дня строили двор с кормушками для лошадей и избушку для себя. Эти избушки в Вытегорском уезде назывались «станами». Их кое-как покрывали бревнами, хворостом, хвоей, щели заделывали мхом, но ни пола, ни нар не устраивали. Дым выходил через небольшое отверстие в потолке. В из-

Избушка лесоруба. Начало XX века.

бушке ночевали, а утром начинали рубить лес и возить его к реке. Работать приходилось с утра до позднего вечера, при любой погоде.

В связи с тяжелыми условиями труда рабочие часто болели. «Лесные работы беспокойные и для здоровья опасные. Рабочий, промокший снизу и сверху до костей, как говорится, постоянно находится и даже спит в воде и в холоде. Местом обогревания его служит только костер и шалаш из хвороста. Последствием такого положения рабочих являются простудные заболевания, и редкий вернется домой без лихорадки или горячки... Заболевший рабочий зачастую вынужден валяться в нечистоте, сырости и без всякого присмотра в лесных шалашах, откуда отправляется на произвол судьбы домой или в городскую больницу»¹³.

Сплав леса производился в Вытегорском уезде по 44 рекам бассейна Балтийского моря (878 верст) и 21-й реке бассейна Белого моря (745 верст)¹⁴. Наиболее крупные из них — Индоманка, Кема, Ковжа, Андома, Самина, Ухта, Лема и Мегра.

Чаще всего сплав производился россыпью до запаней, которые устраивались недалеко от устьев рек и перегораживали их, препятствуя дальнейшему спуску леса. Запань делалась из толстых бревен, связанных в несколько рядов при помощи поперечных брусьев, которые еловыми прутьями привязывались к бревнам. Так, например, по реке Тагажме лес сплавлили до Низоровской запани (деревня Низорово Вытегорской волости). Река Мегра (70 верст), впадающая в Онежское озеро, на 10 верст от устья была судоходной, по остальной же ее части производился постоянный сплав лесных материалов. Река Андома (120 верст), также впадающая в Онежское озеро, судоходной была лишь на расстоянии 20 верст от устья, а на 100 верст использовалась для сплава леса. По реке Мегре и ее притокам (Педаж-реке, Еж-реке и Кош-реке) бревна сплавливались до Мегорской запани. По рекам Андоме, Самине и их притокам лесоматериалы сплавливались до Сорокопольской запани, по рекам Кеме, Ковже и их притокам — за пределы Вытегорского уезда (в Кемскогородскую запань Новгородской губернии)¹⁵.

В запанях лес сортировали. Дрова поднимали на берег и складывали в «костры», а деловую древесину, если необходимо было сразу же отправлять по назначению, собирали в плоты или поднимали на берег и убирали в штабеля. Несколько плотов, соединенных друг с другом, называли гонкой. Одна гонка не должна была превышать 30 сажень (1 сажень — 2,13 метра) в длину.

Плоты и гонки, идущие на петербургский рынок, таскали пароходами по реке Вытегре, по судоходным частям рек Мегры и Андомы до Онежского канала. По Онежскому каналу они следовали до истока реки Свирь, где снова осуществлялась переплотка; далее плоты тащили уже более мощные суда. По реке Вытегре бревна доставляли и на местные лесопильные заводы. Так, в 1877 году на Вытегорский

лесопильный завод было доставлено 40 000 бревен, а на лесопильный завод в Константиновских Порогах — 157 745 бревен¹⁶.

В 1898 году в сплаве леса в Вытегорском уезде участвовало 1200 человек, а в 1911 — 2204 человека¹⁷, что свидетельствует о росте в начале XX века темпов лесозаготовок в уезде. Условия труда на сплаве так же, как и на лесозаготовках, были очень тяжелыми. Многие сплавные реки были порожисты, имели извилистое русло и быстрое течение. Сплавщик леса (по местному выражению «бурлак») целыми днями с раннего утра до позднего вечера в течение продолжительного времени подвергался воздействию сырости. Он должен был идти по берегу реки, чтобы отталкивать багром останавливающиеся у берега бревна; при этом ему нередко случалось заходить в воду и, стоя по колено в холодной воде, направлять сплав по руслу, рискуя не только здоровьем, но подчас и жизнью.

Работать приходилось все время под открытым небом, в любую погоду: будь то проливной дождь или ураганный ветер. И ночевали часто тоже под открытым небом, у костра или в избушках, в которых зимой жили лесорубы. «Приходила зима: за лето хвоя, которой была покрыта избушка, сохла, роняла иглы и не защищала от дождя. Намокали стены и нары. Остатки сена на нарах начинали гнить. Стены оседали в землю и обрастали травой. Гнила осиновая кора на бревнах стен и потолка. В углах и пазах появлялась пышная плесень разных расцветок. Избушка служила хорошим убежищем для разных зверьков, мышей, ящериц... Вот в этих-то избушках и приходилось ночевать. Хорошо, что сохранялись печки-каменки и можно было сжечь охапку хвороста, хоть немного подсушить воздух. Но и это помогало мало. Воздух был спертый, пахло гнилью, плесенью и дымом. Но мы как ложились — немедленно засыпали. У нас говорили: «В таком состоянии уснешь и на зубьях бороны». Здесь, в избушке, по крайней мере, не надо было бояться, что загорится одежда от костра, что часто случалось, когда люди спали под елью»¹⁸. Так описывает условия проживания на сплаве И. М. Митягов, житель деревни Кузнецовой Шильдской волости, участник сплава на реке Индоманке летом 1917 года.

Опасно было сопровождать лес на порогах, на падунах, во время залома. Заломом называли задержку леса в русле реки. Когда лес плыл «гужом», то есть сплошной массой, заломы были частым явлением. Весь поток леса тогда останавливался. Бревна лезли друг на друга, их еще больше вдавливало в берег. Движение леса прекращалось. Вперед уплывали только десятки одиночных бревен. И тогда почти каждое бревно приходилось толкать багром. Люди заходили на залом группой и начинали выталкивать зажатые бревна. Наступал такой момент, когда вся масса сдвигалась с места, каждая чурка приходила в движение, а стоять приходилось на мокрых скользких бревнах. Упасть между бревнами было равносильно смерти: или тебя раздавит,

или ты окажешься в воде под сплошной массой плывущего леса. Чтобы быстро выскочить на берег, требовалась большая сноровка. Нередко люди не успевали и какое-то время плыли вместе с заломом. Какая требовалась ловкость, выдержка и умение держаться на бревнах, чтобы не быть раздавленными!

Для работы в узких местах сплавных рек создавались бригады из нескольких человек. В их распоряжении были «кобылки» — небольшие узкие плоты, сбитые из 5—6 двухметровых или трехметровых бревен. На «кобылках», заменявших лодки, по два человека подплывали к месту задержки.

Если уровень воды в реке был очень высоким и вода затопляла низкие берега, то после ее спада на берегах оставалось много бревен. Тогда сплавщики «зачищали хвост», то есть stalkивали баграми обратно в воду раскиданные по берегам лесоматериалы. Иногда бревна находились довольно далеко от берега, на расстоянии 20—30 метров.

Для того, чтобы кормить рабочих во время сплава, сооружали «харчевую» — плот, в задней части которого находились склад для продуктов и конторка, она же являлась спальней для руководителей сплава, кладовщика и повара. «Харчевая» приставала то к одному, то к другому берегу, а иногда приходилось плыть к ней на одном или двух бревнах. Вот как описывает подобные случаи в своих воспоминаниях И. М. Митягов: «Настал такой день. Как солдат на фронте не расстается с винтовкой, так и сплавщик не расстается с багром. Разница только в том, что если солдат спит сидя, то винтовку держит в руке, а приклад винтовки между колен; а мы спали лежа, и багры ставили или к дереву, или к стене около лесной избушки. Остальное время багор всегда в руках... Я, как и другие, подтянул два бревна к берегу, вскочил на них и поплыл «наискосок» реки. Через минуту бревна начали расходиться в стороны. У меня задрожали ноги, и я провалился между бревен, а так как багор я держал за середину, как канатоходец держит шест, он помешал мне окунуться с головой. На берегу раздалось мощное: «Ура!.. Ты теперь настоящий сплавщик!»¹⁹

Тяга судов и гонок по Мариинской системе

Вторым по значимости источником доходов для крестьян Вытегорского уезда в рассматриваемый период служила конная тяга судов и гонок по Мариинской системе. Иногда она даже выходила на первое место. Так, в 1898 году за вырубку, вывозку и сплав леса крестьяне уезда заработали 119 114 рублей, а за конную тягу — 200 600 рублей; в 1909 году на лесозаготовительных работах заработок составил в среднем 54 рубля на одного человека, на тяге судов — 66 рублей²⁰.

Баржи на Мариинской системе.

По Мариинской системе ходили суда различного типа: мариинки, барки, полубарки, полулодки, тихвинки, унжаки... В 1888 году только на пристани Константиновской Вытегорского уезда грузилось 388 судов и формировалось 223 гонки, на Вытегорской пристани — 142 судна и 1120 гонок. Всего в указанном году через шлюз св. Константина прошло в сторону Санкт-Петербурга 3420 судов с грузом и 64 порожних; в сторону Рыбинска — 196 груженых и 1007 порожних судов²¹. Это позволяет сделать вывод о том, что основной поток грузов по системе двигался от Рыбинска к Петербургу. Грузы везли самые различные: рыбу, дрова (осиновые, березовые, сосновые, еловые), доски, чугуны, свинец, марганец, лен, паклю, стекло, кожи, табак, керосин, мел, охру, изделия из железа и чугуна, соль, свечи, мыло, кору ивовую, пиво, спирт, муку, пшено, горох... Многие десятилетия Мариинская система давала заработок крестьянам большинства волостей Вытегорского уезда, работавшим в качестве бурлаков, плотников, грузчиков, матросов, шкиперов.

До 1896 года существовала людская и конная тяга судов и гонок. Суда тянули от города Белозерска до устья реки Свирь, а в пределах Олонечкой губернии — от села Константиновские Пороги до устья реки Свирь (355 верст). В Константиновских Порогах людей и лошадей нанимали для провода судов и гонок, грузившихся только на здешней пристани. Для судов, следующих от Белозерска к Петербургу, наем тягловой силы производился в Белозерске. Людей, нанимавшихся в тягу без лошадей, называли «путинными».

Между Белозерском и шлюзом св. Николая тяга осуществлялась преимущественно лошадьми; людская тяга практиковалась в исключительных случаях и в незначительных размерах. Так было при вспышках эпидемии сибирской язвы, когда на этом отрезке Мариинской системы почти не осталось лошадей, а также в начале и конце навигации, когда большие массы путинных из других губерний, направляясь на работу или возвращаясь с нее, готовы были наниматься за самую низкую плату.

В тяге судов от Константиновских Порогов до шлюза св. Николая участвовали крестьяне Кирилловского, Белозерского уездов и Бадожской волости Вытегорского уезда. На одно большемерное судно (вместимостью 20—22 тысячи пудов груза) полагалось 4—5 лошадей, а на маломерное (10—12 тысяч пудов груза) — 2—3 лошади. На провод судна от Константиновских Порогов до шлюза св. Николая требовалось трое суток, а при большом скоплении судов — от шести до десяти суток. При 4—5 лошадях бывал один, а иногда два погонщика. В роли погонщиков чаще всего выступали сами хозяева лошадей²².

Тяга судов от шлюза св. Николая до города Вытегры (45 верст) осуществлялась, за редким исключением, путинными. Конная тяга на этом участке Мариинского пути разрешалась Министерством путей

Бурлаки на реке Вытегре. Фотография конца XIX века.

сообщения только в случае недостатка бурлаков. Такое ограничение было вызвано тем, что бечевники здесь были очень узкими, и пройти по ним 4—5 лошадям было трудно. На указанном отрезке пути имелось 27 шлюзовых камер и 2 подъемных моста — Волоков и Сиверсов. Обязанность открывать и закрывать ворота камер шлюзов и разводить мосты из-за отсутствия на данном участке пропускных рабчих возлагалась на путинных.

На провод судов от шлюза св. Николая до Вытегры (по шлюзованной части реки Вытегры) требовалось обычно 10—12 суток. Иногда же, как, например, при эпидемиях холеры, это время увеличивалось. Замедлялась скорость движения и в дождливые годы: бечевники размывало, лошади обрывались и гибли почти каждый день. Так, в 1888 году на реке Ковже бечевник был затоплен на расстоянии 15 верст, и в нем утонуло 100 лошадей и 3 коновода²³. При ремонтных работах на системе находили целые конские могильники.

Летом путинные ташили суда и днем и ночью, а осенью на ночь останавливались. Отдыхали два раза в день, когда нужно было приготовить обед и ужин. В зависимости от конструкции каждое судно ташили от 6 до 14 человек. Для тяги большемерных судов требовалось обычно 12—14 человек, средних — 9—10, маломерных судов — 6—7 человек²⁴.

При найме путинных существовал следующий порядок. Письменных условий найма не заключали. От артели, подряжающейся для тяги судна, выбирался человек, который предъявлял хозяину или его приказчику паспорт для удостоверения своей личности. Взамен паспорта выдавался расчетный лист, в котором указывались имя и фамилия представителя артели, количество нанятых рабочих и выданный им задаток. Окончательный расчет производился после доставки судна на условленное место.

На качественный состав артели, как правило, не обращали никакого внимания, так как законодательной базы найма путинных не имелось. В артелях поэтому были люди разного возраста, иногда встречались даже подростки и глубокие старики. Так, в 1891 году в путине участвовал и четырнадцатилетний подросток, и крестьянин Коштугской волости, 50 лет «ходивший в путине»²⁵. Чтобы попасть на работы, старики убавляли свои годы, а подростки прибавляли...

Самым высоким по размеру заработок бывал в июне и июле, когда на шлюзованной части системы скапливалось большое количество судов и спрос на рабочую силу увеличивался. Кроме того, многие крестьяне с наступлением страды возвращались домой. Такая зависимость цен от времени и хода крестьянских работ говорила о том, что бурлачество являлось истинно крестьянским промыслом.

Уходили на заработки чаще всего те, без кого крестьянские хозяйства могли обойтись. В основном это были младшие братья или

Конная тяга судов на Мариинской системе. Конец XIX века.

младшие сыновья, поэтому в путине преобладала молодежь. Так, за четыре навигации (1888—1891 годы) число путинных в возрасте от 14 до 30 лет составило 51 процент²⁶. Иногда в путину на всю навигацию уходили безлошадные крестьяне, которые нанимали односельчан для обработки своих небольших участков земли, а с иными работами по хозяйству справлялись их жены и дети. Крестьяне, возвратившись с путины, расплачивались за работу, а оставшиеся деньги уходили на уплату податей и хозяйственные нужды.

В конце XIX века каждому бурлаку за один провод судна от шлюза св. Николая до Вытегры платили в среднем по 7 рублей. Во время страды эта плата составляла 12 рублей, а в свободное от полевых работ время она резко снижалась — до 2-х рублей²⁷.

Многие местные жители, в первую очередь представители интеллигенции, считали, что тянуть суда и гонки нанимались пьяницы и лентяи, не желающие заниматься другими работами. Но, как утверждал заведующий Рубежской больницей²⁸ Анатолий Шепилевский, такие мнения — «или суть продукты личного впечатления, или относятся к ограниченному числу случаев, существование которых никто не отрицает»²⁹. В целом же этот промысел вызывался экономическими причинами, прежде всего невозможностью найти заработок в своих селениях. Подтверждение этому мы находим в том, что нанимались путинными чаще всего жители не близлежащих к Мариинской системе волостей, а, наоборот, тех, которые были удалены от системы на значительное расстояние. Девятинская, Бадожская и Вытегорская волости, через которые проходила Мариинская система, давали единицы бурлаков, а Ухотская волость, удаленная от шлюза св. Николая на 139 верст, давала ежегодно около 45 процентов от их общего числа. Ухотская волость раньше была помещичьей; крестьяне этой волости получили в надел всего по 7 десятин земли, да и те были неудобны для хлебопашества. Заработка для крестьян на месте не было, и самым доступным промыслом для них служила тяга судов и гонок по Мариинской системе. Остальную часть путинных поставляли в основном Шильдская и Тихмангская волости, также удаленные от водного пути³⁰.

Тяга судов и гонок путинными была сопряжена с большими трудностями и лишениями. В течение нескольких месяцев в любую погоду — в дождь и сильную жару, под палящими лучами солнца, — налегая грудью на лямку, они медленно продвигались по бечевнику, таща за собой суда. На всем протяжении бечевников не было построено ни одного помещения для отдыха, и ночевать путинным приходилось под открытым небом. Правда, жители некоторых селений, рядом с которыми располагались на отдых путинные, за определенную плату топили для них бани и приглашали на ночлег, продавали им хлеб, крендели и пироги.

Четырёхкамерный шлюз св. Натальи в селе Девятины. Конец XIX века.

От города Вытегры до Вознесенской пристани на реке Вытегре (9 верст) и по Онежскому обводному каналу (63 версты) суда и гонки тащили лошадьми. В самом начале навигации в Вытегре скапливалось большое количество судов, пришедших из Рыбинска. Одними из первых прибывали для участия в конной тяге жители Кондушской волости. Первая тяга считалась самой трудной: «...бечевник бывает размыт... много придется тогда выстрадать и человеку и лошади: за каких-нибудь 10 рублей бредут они 70 верст выше колен в грязи и воде, а где случится, переплавляются и вплавь. Надолго останется в памяти этот проезд, следствием его часто бывает то, что кондушанин или оставит там свою лошадь, или искалечит ее, а то и сам получит болезнь — по большей части лихорадку, и возится с ней всю весну, а иногда и лето»³¹.

Помимо кондушан, в конной тяге судов и гонок от Вытегры до Вознесенской пристани участвовали крестьяне Вытегорской, Макачевской, Коштугской, Никулинской и Десятинской волостей Вытегорского уезда, а также крестьяне Оштинской и Шимозерской волостей Лодейнопольского уезда³².

В самый разгар навигации (в июне и июле) в Вытегру прибывало ежегодно от 300 до 500 лошадей, тогда как потребность в них была значительно меньшей — от 200 до 300 лошадей. Предложение, таким образом, превышало спрос, что вызывало существенное изменение цен, а также большое скопление судов. Поэтому в 1889 году были разработаны правила очередности тяги судов между Вытегрой и Вознесенской пристанью³³. Регламентация промысла устранила ненормальное колебание цен; исчезло и прежнее скопление судов. Согласно правилам каждый коновод мог заниматься тягой судов и гонок не более двух раз в месяц; заработок его при существовавшей плате за тягу должен был составлять не менее 100 рублей за навигацию. Но редко кто из крестьян имел в хозяйстве четырех лошадей, необходимых для провода многих судов и гонок. Поэтому чаще всего два, а иногда и три хозяина составляли пай, поручая своих лошадей более свободному из них. Заработок каждого крестьянина при паях в два человека составлял в среднем 50 рублей, а при паях в три человека — 30 рублей³⁴.

В 1896 году после реконструкции Марининской системы бурлачество было полностью заменено конной тягой, действовавшей по специально изданным правилам. Теперь от тяги судов и гонок население стало получать больше дохода, чем раньше. Так, если в 1895 году крестьяне Вытегорского уезда заработали за конную тягу 76 тысяч рублей, а за тягу путинными — 58 тысяч рублей, то в 1898 году общий заработок коноводов составил уже 177 тысяч рублей³⁵.

От Белозерска до села Константиновские Пороги суда буксировались пароходами, а от Константиновских Порогов до Вознесенской пристани (160 верст) их тащили лошадьми. На этом участке

*Службный пароход «Андрей Бирилев» Вытегорского округа путей сообщения.
Начало XX века.*

Мариинской системы были устроены четыре стационарных пункта: Константиновские Пороги, шлюз св. Андрея, город Вытегра, село Вознесенье. Для найма лошадей в этих пунктах имелись специальные конторы, где каждый коновод своевременно записывался и ждал своей очереди. Всеми делами и расчетами по тяге ведал староста, избираемый из состава артели, подрядившейся для провода судов и гонок до следующей станции. Он заранее узнавал о подходе к станции судов, об их конструкции и соответственно с этим по списку очередности запрашивал необходимое количество лошадей, а также определял плату за тягу судна до следующей станции, брал задаток, о чем указывал в расчетном листе, выдаваемом им хозяину судна. Полученный задаток раздавал коноводам, лошади которых должны были тащить данное судно; каждому коноводу он также выдавал расчетный лист со своей подписью, в котором указывал те же сведения, что и в расчетном листе, выданном владельцу судна. Староста за свой труд получал определенный процент с платы за тягу.

При обычных обстоятельствах продолжительность хода судна составляла от Константиновских Порогов до шлюза св. Андрея пять суток, от шлюза св. Андрея до Вытегры и от Вытегры до Вознесенья — до трех суток.

Тяга судов и гонок была не единственным видом работы на Мариинской системе. Многие крестьяне Вытегорского уезда участвовали в строительных и ремонтных работах на системе, нанимались на суда в качестве шкиперов, матросов, кочегаров, штурвальных, подряджались нагружать и выгружать суда. И число таких людей с каждым годом росло. Так, в 1898 году лоцманами, кочегарами, матросами, шкиперами работало 245 крестьян Вытегорского уезда, а в 1911 году — уже 520; участвовали в погрузке и выгрузке судов в 1898 году 225 крестьян, а в 1911 году — 530³⁷.

Шкипер нанимался на судно в пункте погрузки, он принимал снасти (бечеву, чалочные канаты³⁸) и должен был сопровождать судно до места назначения. Во время движения он стоял у руля и при помощи «слоги» (бревна), соединенной с рулевыми брусками, управлял судном.

Матросов на системе называли «коренными». Их могли заменить на каком-то стационарном пункте. Когда судно заходило в шлюз или становилось к причалу, коренные должны были выбрасывать конец чалочного каната или выходить на причал и надевать петлю каната на причальную тумбу. Один выполнял эту операцию на носу судна, другой — на корме.

В Вытегорском краеведческом музее имеются интересные воспоминания И. М. Митягова о том, как в начале XX века он плывал на барке³⁹ от шлюза св. Андрея до Вытегры в качестве коренного. «Еще не доплыв до ворот около 100—150 метров, — пишет И. М. Митягов, — мы увидели, что на левой и правой стенках

Река Вытегра. Начало XX века.

шлюза, против ворот, по два человека ходят по кругу и толкают грудью какие-то слегги. Шкипер сказал: «Откатывают ворота». Через какое-то время между половинками ворот образовалась щель, которая все больше расширялась. Наконец половинки ворот полностью открылись и прижались к стенкам шлюза. Наша барка заплыла в шлюз, а за ней другая. Барка еще медленно плыла, а со стенки кричат: «Бросай чалку!» Я схватил петлю каната, а другой рукой перехватил канат на полтора метра от петли, размахнулся и бросил петлю на стенку. Служащий шлюза на лету поймал конец каната с петлей и одел петлю на тумбу. «Держи!» — крикнул он мне. Я быстро обернул канат около тумбы на барже два раза, но барка двигалась вперед, канат закрипел и закрутился вокруг тумбы. «Оберни еще!» — крикнули мне. Я еще набросил на тумбу один виток и старался удержать канат, но его тянуло из рук. «Береги пальцы, трави помаленьку!» Я стал ослаблять канат, и он закрутился вокруг тумбы. «Крепи!» — крикнули мне. Я накинул на тумбу еще два витка и закрепил канат. Барка дрогнула, немного осела в воду, качнулась и ударилась бортом о стенку шлюза, а потом пошла от нее раскачиваясь. «Подбери чалку!» — крикнул мне служащий. Я быстро снял канат с тумбы и, когда барка подошла к самой стенке, снова обмотал канат около своей тумбы. Барка успокоилась. Такая же операция производилась на корме барки. Но самое интересное началось позднее.

После того, как другая барка заплыла в шлюз, ворота закрыли. На служебном мостике других ворот, через которые подлежало нам пройти, появились два человека и на каждой половинке ворот перевели из одного положения в другое по три рычага. Вода около ворот забурлила; уровень воды в камере шлюза снизился, и барка начала оседать. Чалочные канаты натянулись. «Ослабьте чалки!» — раздался голос, и я начал стравливать (отпускать, делать длиннее) чалку. Через некоторое время открылась щель между половинками ворот, и я увидел, что вода в камере находится на одном уровне с водой в канале за воротами. Барка в этом шлюзе опустилась ниже на 3 метра.

Когда открыли нижние ворота, наши две барки вышли из шлюза, а ворота не закрыли. В шлюз зашли две барки, шедшие нам навстречу и ожидавшие, когда их могут пустить в шлюз. Эти две уже должны были подняться в шлюзе на 3 метра выше.

До города Вытегры мы плыли около двух суток. Здесь мы прошли около 20 шлюзов»⁴⁰. Действительно, это была самая густошлюзованная часть Мариинской системы.

Мариинская система давала заработок и жителям селений, в которых находились станционные пункты. Почти каждый крестьянин превращался в торговца, продавая проезжим продукты.

Разработка полезных ископаемых

В Вытегорском уезде с давних времен велась разработка мелового камня, различных сортов глины, известняка, охры, железняка... Еще академик Н. Я. Озерецковский, побывавший в Вытегорском уезде в 1785 году, писал о промышленной разработке андомской глины: «Река Андома низменные имеет берега, но как в устье, так и далее вверх нарочито глубока, и ходят по ней галиоты расстоянием от устья на 15 верст до пристани, Сорочье Поле называемой, где нагружаются известною андомскою глиною, которую добывают от Сорочья Поля верстах в 15 при д. Замошье. Глина попадаетея не толстыми слоями, цветом она белая, особливо, когда она высохнет...»⁴¹

Крестьяне Вытегорского уезда отправляли полезные ископаемые в Петербург и в Петрозаводск (для Александровского снарядолитейного завода), использовали их на местных кирпичных и красочных заводах, в гончарных мастерских, а нередко и для домашних нужд вроде беления изб и печей.

В конце XIX века разработка полезных ископаемых велась в Пятницком и Замошском крестьянских обществах Макачевской волости, в Сперовском и Анхимовском крестьянских обществах Вытегорской волости, в Никулинской и в Девятинской волостях⁴². Земли, на которых находились залежи полезных ископаемых, крестьяне сдавали в аренду частным предпринимателям. В 1866 году петербургский купец Соболев заключил контракты с крестьянами Макачевской, Никулинской и Вытегорской волостей на 12 лет на добычу огнеупорной глины, охры, известняка, которые применялись для изготовления мела, красок и извести. Соболев платил арендную плату волостям: Вытегорской — 515 рублей, Никулинской — 250, Макачевской — 1000 рублей.

Работали на добыче полезных ископаемых местные крестьяне. Они ежегодно добывали мела до 60 000 пудов, охры — до 6000, извести — до 40 000, глины — до 15 000, «черняди» — до 5000 пудов⁴³. Кроме платы за прински, поступавшей от арендаторов в собственность крестьянских обществ, крестьяне указанных волостей получали определенную сумму за каждый пуд добытого сырья, в которую входила и плата за его доставку на Вытегорскую пристань.

Вытегорский уезд был богат известняком, в том числе и доломитизированным, необходимым в металлургических процессах для мартеновского производства стали. Так, в Тудозерской волости добывали известняк, поступавший на Александровский снарядолитейный завод в Петрозаводске⁴⁴.

Добываемый крестьянами Вытегорского уезда известняк использовался также для получения извести и мела. Из плотных слоев известняка получали известь, которую отправляли в Петербург и на чугунные заводы. Мел добывали крестьяне Девятинской, Вытегор-

ской, Никулинской и Макачевской волостей из рыхлого серовато-белого известняка, который называли меловым камнем. Первая разработка мела в Вытегорском уезде относится к 1826 году⁴⁵. С этого времени она стала постоянным промыслом местного населения, так же, как и разработка глины, охры, железных руд.

Меловой камень залегал в земле довольно большим слоем. Его дробили прямо на месте на куски. Дробленный мел поступал на водяные мельницы, которых в 1870 году в Макачевской волости было 50, в Никулинской — 25, в Вытегорской — 7⁴⁶. На мельницах меловой камень просушивался на открытом воздухе, затем дробился молотами и засыпался в мельничные ступы, где его толкли. Размолотый мел просеивался и в таком виде либо отдавался арендатору, либо поступал в мелоплавильни. Там мел растворяли в воде, а раствор выпаривали в мелоплавильных печах, пока он не превращался в однородную массу. Эту массу затем разрезали на куски, окончательно досушивали и продавали тому же арендатору по 7 копеек за пуд, в то время как в Петербурге мел стоил 30—40 копеек за пуд⁴⁷. Крестьяне, имевшие мелоплавильни, жили поэтому сравнительно безбедно. В 1870 году в Вытегорском уезде имелось 18 мелоплавилен. В Замошском обществе Макачевской волости мелоплавильни принадлежали крестьянам Ивану Петрову, Григорию Лисину, Трофиму Колобанову, Спиридону Чекшину. Трое из них — И. Петров, Г. Лисин, С. Чекшин — владели еще и водяными мельницами⁴⁸.

Добыча мелового камня в Вытегорском уезде в конце XIX — начале XX века держалась примерно на одном уровне. В 1887 году здесь было добыто 54 400 пудов мела, в 1888 году — 52 000, в 1908 году — 57 700 пудов⁴⁹.

Более удобным и выгодным заработком для крестьян по сравнению с разработкой мела была добыча охры. Во-первых, слои охры были не такими твердыми, как слои мелового камня; они легко дробились на куски, затем перемалывались, как мел, в мельничных ступах. Во-вторых, измельченная охра сдавалась арендатору по более высокой цене — по 11,5 копейки за пуд⁵⁰.

Охра перерабатывалась на красочном заводе в деревне Шестово, принадлежавшем в конце XIX века вытегорскому купцу 1 гильдии А. Ф. Лопареву, а с 1899 года — его вдове А. П. Лопаревой. Помимо охры, на заводе Лопаревых перерабатывались на краски цветные глины, окрашенные в желтый, красно-бурый и вишнево-красный цвет. Эти глины в изобилии встречались в Вытегорском уезде в окрестностях деревень Кленовой, Шишкуны, Подгорье, по рекам Андоме, Вытегре и Тагажме, Нозручью. Правда, разработка их велась в незначительных размерах, и краски, выпускаемые заводом, имели невысокое качество. Они содержали посторонние примеси, так как охра и цветные глины поступали на завод без предварительной обработки

и сортировки. В 1908 году заводом А. П. Лопаревой, на котором работало 26 человек, было изготовлено 12 900 пудов сухих красок⁵¹.

Вытегорский уезд был богат различными глинами хорошего качества — серыми и черными огнеупорными, гончарными, цветными. Черная огнеупорная глина добывалась в Патровой Горе, лежащей к югу от Вытегры. Глину добывали в основном для нужд казенных заводов Олонецкого округа, которому и принадлежало данное месторождение. Оно было открыто в начале XIX века начальником Олонецких заводов Армстронгом⁵², и с этого времени патровскую глину стали поставлять взамен привозной английской на Александровский пушечный завод в Петрозаводске⁵³.

Из патровской глины делали кирпич для доменных печей и формы для отливки орудий. По данным лаборатории Александровского завода, она была отнесена к лучшим огнеупорным глинам. Изготовленные из патровской глины огнеупорные кирпичи при испытании в мартеновских печах выдерживали температуру 1750°—1800°, значительно превосходя боровичские огнеупорные кирпичи и не уступая английским. Поэтому глиной из Патровой Горы стали снабжать не только казенные заводы Олонецкого округа, но и Монетный двор, Ижорские заводы и частные металлургические (чугунолитейные и меднолитейные) заводы в Петербурге и Финляндии.

В Вытегорском уезде велась также разработка огнеупорной глины светло-серых оттенков. Светлую глину издавна добывали в окрестностях деревни Носовой Макачевской волости и недалеко от деревень Сперово и Житное Вытегорской волости. Высокие огнеупорные качества этой глины были доказаны испытаниями в минеральной лаборатории Петербургского технологического института⁵⁵. В незначительных размерах велась в Вытегорском уезде и разработка бурых железняков, залегающих среди осадочных горных пород. Одно из таких месторождений находилось недалеко от деревни Кленовой, к юго-востоку от Андомского погоста. Известны были также месторождения при деревнях Ефремовщине, Хвощевниках, Брудручье, Паньковой, Дорофеевой, то есть в местности между реками Илексой и Андомой. Содержание железа в этих бурых железняках составляло 32 процента⁵⁶. Добываемый железняк применялся и для изготовления красок.

В конце XIX века была предпринята попытка промышленной переработки железных руд, имеющая целью создать чугуноплавильное производство в Вытегорском уезде. В 1873 году было образовано «Товарищество Вытегорских горных заводов», построившее в том же году Саражский чугунный завод в 9 верстах от Вытегры. Однако подъема промышленности в уезде не произошло из-за низкого качества руд, трудности их добычи и подвозки, отсутствия удобных путей для перевозки продукции, а также размещения завода вдали от водо-

емов. Все это привело к тому, что уже в 1874 году Саражский чугунный завод был закрыт⁵⁷.

Добыча полезных ископаемых в Вытегорском уезде держалась примерно на одном уровне. Так, в 1898 году разработкой полезных ископаемых занимались 675 человек, заработавших 15 000 рублей, в 1911 году — 620 человек, заработавших 18 145 рублей⁵⁸.

Рыболовство и охота

Рыболовство и охота с давних времен были важными промысловыми занятиями сельского населения Вытегорского уезда. Способы лова рыбы и добычи зверя передавались из поколения в поколение. При малопродуктивных земледелии и животноводстве они являлись серьезным подспорьем для крестьянского хозяйства. Однако к середине XIX—началу XX века эти занятия (особенно охота) уже утратили свое значение в связи с появлением возможностей более высокого заработка на Марининской системе и лесозаготовках. В 1909 году заработок рабочего на заготовке леса составлял в среднем 54 рубля, на тяге судов и гонок — 66 рублей, занятия рыболовством и охотой давали 20 и 7 рублей соответственно⁵⁹. И все же потребительским рыболовством население Вытегорского уезда занималось повсеместно. Рыбу ловили в 249 озерах из 270, имевшихся в уезде. Главными рыбными водоемами являлись озера Онежское, Ковжское, Куштозеро, Ундозеро, Лача, Кемозеро, Тудозеро и река Мегра⁶⁰.

Рыболовы были почти в каждом крестьянском хозяйстве. Многие из них не имели рыбачьих лодок и крупных, а иногда даже и средних рыболовных снастей. Рыбу они ловили только в свободное от полевых работ и от занятий другими промыслами время. А так как свободного времени было мало, рыбаки не могли обеспечить свои семьи на целый год рыбой и вынуждены были прибегать к ее покупке. Только некоторые хозяйства, имевшие рыбачьи лодки и различные снасти, обеспечивали себя рыбой круглый год. Часто в ловле рыбы принимали участие женщины и дети: они использовали мелкие орудия лова, вплоть до удочек.

По степени распространения промыслового рыболовства Вытегорский уезд занимал в губернии последнее место. К 1913 году в уезде насчитывалось только 1213 крестьянских хозяйств, имевших лодки и различные рыболовные снасти, что составляло 13,8 процента от общего числа хозяйств. В Повенецком уезде эта доля составила 51,8 процента, в Петрозаводском — 37,8⁶¹.

Наибольшее распространение промысловое рыболовство получило в Андомской, Тудозерской, Коштугской и Бадожской волостях. В этих волостях им занималось от 20,1 до 50 процентов всех домохозяев. Андомская и Тудозерская волости примыкали к Онежскому

озеру, что само по себе способствовало развитию рыболовства. Бадожская и Коштугская волости находились в более глухих местностях, где дольше сохранялись патриархальный уклад жизни и старые формы хозяйства. В Бадожской волости к тому же находилось большое Ковжское озеро, богатое рыбой. В волостях Кондушской, Тихмангской, Ухотской, Макачевской и части Чернослободской рыболовством занималось от 5 до 20 процентов хозяйств. В остальных волостях — Шильдской, Вытегорской, Девятинской и оставшейся части Чернослободской — менее 5 процентов⁶². Столь низкий показатель, однако, не свидетельствует об упадке рыболовства в данной местности. Из-за отсутствия в этих волостях значительных рыбных озер рыболовство здесь никогда и не было развито: лишь единичные хозяйства вели промысел рыбы.

Промысловым рыболовством в уезде занималось всего лишь около 500 хозяйств⁶³. Оно было характерно для волостей, примыкавших к крупным рыбным озерам, например к Онежскому. Так, в Тудозерской волости все хозяйства, занимавшиеся рыболовством, ловили рыбу для продажи, в Кондушской волости таких хозяйств было 70 процентов. Другим значительным рыбным озером в уезде являлось Ковжское. Здесь доля хозяйств, занимавшихся промышленным ловом, составляла 82,7 процента. Для жителей Бадожской волости, примыкавшей к Ковжскому озеру, рыболовство служило самым прибыльным промыслом, в то время как в Девятинской, Шильдской и Вытегорской волостях им занимались единицы⁶⁴. В Шильдской волости предпочитали лесной промысел, а в Вытегорской и Девятинской — еще и тягу судов и гонок по Мариинской системе.

Рыболовством в Вытегорском уезде занимались чаще всего в весеннее и летнее время. Осенью, а особенно зимой в этом промысле наступало затишье. Однако в некоторых местностях преобладало именно осеннее рыболовство, как, например, в Сойде Чернослободской волости, в Петропавловском и Коштугском приходах⁶⁵. Озера, наиболее богатые рыбой, посещались рыбаками в течение круглого года, там распространен был и подледный лов. Ловили самую различную рыбу: окуня, щуку, ерша, ряпушку, корюшку, налима, язя, судака, сига, палию, форель (местные жители называли ее «торпой»), лосося.

Особым изобилием отличалось Онежское озеро: в нем добывали более 25 видов рыбы, в том числе и ценных пород: лосося, палию, форель, сига и даже стерлядь. В конце 60-х годов XIX века уловы стерляди были столь значительны, что она считалась даже промысловой рыбой. В Петропавловском приходе Вытегорского уезда ловили ее в небольших количествах лишь в южной части озера, между устьями рек Мегры и Вытегры. Иногда стерлядь заходила в озера Великое, Котечное, Лужандозеро и Туд-озеро. Весной из Онежского озера вверх по рекам Мегре и Андоме заходили лосось и форель, ко-

торых при помощи «бродца»⁶⁶ ловили жители Коштугской и Макачевской волостей. Осенью начинался обратный ход этой рыбы в озеро, и тогда жители указанных волостей кололи ее острогами — «лучили». Наилучшие места лова онежского лосося находились у Андомской горы и Петропавловского мыса.

В Ковжском и Кемском озерах ловили сига, леща, судака, щуку, язя, окуня, налима⁶⁷. В остальных озерах и реках водилась преимущественно мелкая рыба: плотва, окунь, ерш. Реже попадались налим, лещ, судак.

Для ловли рыбы в Вытегорском уезде использовались различные способы и снасти (сети, неводы, мережи, мерды, мутники). Наиболее крупные рыболовные снасти имели рыбаки, занимавшиеся промысловым ловом. Крестьяне, ловившие рыбу только для личного потребления, чаще всего довольствовались удочками, крючками и продольниками, реже использовали мерды и сети. Когда нужна была рыба, отправлялся крестьянин с удочкой или с мелкой сетью, называемой в народе «частиком», на берег озера или реки. В частик попадалась и самая мелкая рыба — мальки. В Вытегорском уезде мальковый лов был распространен на Куштозере, Ундозере и Алмозере. Ловили рыбу и во время нереста, используя мерды из ивовых прутьев⁶⁸. Мальковый лов, а также лов рыбы во время нереста наносили большой вред рыбному поголовью.

Для ловли наиболее ценной рыбы (лосося, палии, сига) использовали тонкие льняные сети, которые ставились длинными, по 15—20 сажень, рядами, или особую снасть — «симу»⁶⁹.

Промысловый лов рыбы был основан на артельных началах. Больше всего артелей имелось в Кондушской, Тудозерской, Андомской, Бадожской, Тихмангской, Коштугской волостях. Однако многие из артелей трудно было назвать таковыми в собственном смысле этого слова, так как они состояли всего из 2—3-х человек. Таких артелей к 1913 году в Вытегорском уезде было больше половины (75 из 135). Средних артелей, в которых насчитывалось по 4—9 человек, было 55, крупных (более 10 человек) — 5, и среди них только одна артель включала более 20 человек. В крупных артелях выбирался расторопный и знающий свое дело староста, которому все подчинялись. Накануне лова, с вечера, староста отдавал приказ «идти на озеро». Заболевшего или отсутствующего члена артели могли заменить брат или отец, сестра или мать, а иногда и наемный рабочий. Правда, доля наемных работников была невелика — 2—3 процента от общего числа участников артели⁷⁰.

Занятие рыболовством было сопряжено с различного рода лишениями и даже опасностью. Зимой при подледном лове рыбаки вынуждены были долгие часы проводить на льду, несмотря на стужу и ветер. Мешали успеху дела и частые бури на озерах, особенно осенью. Не обходилось и без несчастных случаев, как, например,

случилось с крестьянами деревни Мошниковской, ловившими рыбу в самом конце октября 1887 года в Ундозере. Из-за оттепели озеро на середине открылось, и 6 человек провалились под лед. Пятерых удалось спасти, а шестой, староста артели П. М. Манашев, утонул⁷¹. И тем более заслуживают удивления ловкость и сноровка местных рыбаков, когда даже женщины без всякой боязни выходили в открытое озеро, особенно Онежское.

Для личного потребления крестьяне ловили рыбу в основном по мере надобности и в меньшей степени — для заготовки впрок. Ценную рыбу продавали, она была редкой гостьей на столе вытегорских крестьян. В пищу употребляли в основном мелкую рыбу: окуня, плотву, ерша, ряпушку, корюшку. Даже налима ели редко, не говоря уже о судаке и сига.

Для заготовки впрок рыбу ловили преимущественно весной и осенью. Весной можно было получить более значительные уловы, так как в этот период происходил нерест. Кроме того, весной надо было создать запас рыбы на лето, когда крестьяне занимались полевыми работами. Но все же преобладал осенний лов: население освобождалось от полевых работ, да и качество осенней рыбы было лучшим, чем летней и весенней.

Для заготовки рыбы впрок использовали, как правило, два способа: соление и сушку. Солили разную рыбу, начиная с ряпушки и кончая щукой. Сушили рыбу преимущественно в русских печах. В основном в сушку шла самая мелкая рыба — корюшка и мальки (молдняк крупных пород).

Крестьяне, занимавшиеся рыбной ловлей для продажи, сбывали ее скупщикам или продавали сами в своих селениях, иногда выезжали на ярмарки в Вытегру, Ошту, Кондушскую волость. Местные рынки в основном обслуживали рыбаки-одиночки или представители мелких артелей. Крупные же артели поставляли рыбу за пределы уезда и губернии — в Петербург, иногда в Новгородскую губернию и Финляндию. Если говорить о сбыте рыбы за пределы губернии, то нужно заметить, что Вытегорский и Каргопольский уезды не являлись крупными поставщиками рыбы: они не очень привлекали торговцев из-за отдаленности рыбных озер. Заметный доход от торговли рыбой имели лишь крестьяне трех волостей Вытегорского уезда, примыкавших к Онежскому озеру: Тудозерской, Андомской и Кондушской. Сюда часто навевались скупщики. За пределы губернии сбывали большей частью ценную рыбу: лосося, палию и сига. В продаже преобладала свежая рыба, она составляла 66,7 процента от общего улова, солили 11,9 процента рыбы, сушили — 21,4⁷².

Охота в Вытегорском уезде имела меньше значение, чем рыболовство. Ее нельзя было даже назвать промыслом в собственном смысле этого слова, так как занималась ею незначительное число крестьян. Важным подспорьем для крестьянского хозяйства охота явля-

лась лишь в местностях, удаленных на значительное расстояние от уездного города и Мариинской системы: в Ладвозерском обществе Никулинской волости, в Андоморецком Макачевской, в Ягремском Тихмангской, в Куштозерском Коштугской, в Ундозерском обществе Кондушской волости, в Ухотской и Шильдской волостях. В селе Сойда Чернослободской волости, в котором жило около 200 человек, охотой занималось большинство жителей, в то время как в Десятинской волости в 1886 году был всего 21 охотник, а в Вытегорской волости в 1903 году охотились только 24 человека⁷³.

Охотой большей частью занимались люди пожилого возраста. И. С. Поляков, исследовавший Вытегорский уезд в 1871 и 1873 годах, рассказывает об одном старике из деревни Бобовщина, который добывал за зиму до 100 зайцев и рябчиков. На счету другого пожилого охотника из села Белый Ручей было немало убитых медведей. Лето и зиму этот охотник жил в лесу, изредка навещаясь домой⁷⁴.

Охотились в Вытегорском уезде в основном на зайцев, белок, рябчиков, тетеревов, меньше — на лисиц, медведей, куниц, волков, горностаев, лосей. В 1886 году вытегорскими охотниками было добыто 13 538 белок, 1939 зайцев, 5901 рябчик, 31 медведь, 27 волков, 41 лисица, 55 куниц; в 1903 году — 11 180 белок, 1159 зайцев, 8270 рябчиков, 69 лисиц, 16 волков, 36 медведей и всего лишь 8 лосей⁷⁵. Как видно из приведенных цифр, больше всего добывалось белки; охота начиналась с Покрова (1 октября по старому стилю).

Способы добычи зверей и птиц были довольно примитивны. Охотники имели в основном кремневые ружья, усовершенствованных не хватало, да и стрелять из них крестьяне считали для себя делом невыгодным: во-первых, порох стоил дорого — 1 рубль 60 копеек за фунт, в то время как за шкуру зайца в 1886 году платили 8 копеек, за шкуру белки — 9 копеек; во-вторых, охотники не имели возможности приобретать порох на месте, а вынуждены были покупать его в Белозерске, Каргополе, Петербурге и Вытегре. Только в 1902 году двум торговцам из Шильдской и Тихмангской волостей разрешили продавать порох в небольшом количестве в своих лавках⁷⁶. Однако это не решило проблемы. Крестьяне-охотники неоднократно просили о создании пороховых складов при Вытегорской земской управе или хотя бы при Ухотском и Шильдском волостных правлениях, где особенно был развит охотничий промысел. Думали и о создании склада дешевых охотничьих ружей, которых в уезде не хватало, а необходимость в них с каждым годом делалась очевиднее: медведи и волки наносили огромный вред крестьянскому хозяйству. В некоторые годы летом не проходило дня, чтобы звери не «зарезали» одного-двух домашних животных.

Особенно большой ущерб причиняли медведи, нападая на скот иногда даже среди бела дня, на глазах пастухов. В 1884 году в Кондушской волости в первые же дни выгона скота на пастбища медведи

«задрали» несколько коров и быков, а также несколько телят и ягнят. В 1903 году в Вытегорском уезде волки «зарезали» 12 лошадей, 18 коров, 32 жеребенка, 52 теленка, 75 овец, а медведи «задрали» 20 лошадей, 82 коровы, 24 жеребенка, 58 телят, 68 овец. Сумма ущерба составила 4274 рубля 50 копеек⁷⁷.

Убитые летом медведи приносили мало пользы: в это время мех у них был плохой, мясо и сало быстро портились, поэтому чаще всего на них охотились лишь для того, чтобы защитить домашних животных. Ловили медведей в ямы, в которые вбивали острые колья, в тяжеловесные двухпудовые капканы, которые ставились с якорями и другими приспособлениями, замедлявшими движение попавшего в них зверя⁷⁸.

Охотились на медведей с «лабазов», ловили их в «пасти»⁷⁹. Летом 1878 года кондушский крестьянин Ложкин, поймав медведя в «пасть», привез его домой и в отместку за убитых коров нарядил его в забавный костюм, заставив потешаться над медведем всю деревню⁸⁰. Охота на медведей — один из самых опасных ее видов. В Вытегорском уезде она не была организована: здесь почти не было настоящих, знающих свое дело в совершенстве охотников — обходчиков берлог. Поэтому в Вытегорском уезде за 1886 год всеми охотниками был убит только 31 медведь. А вот в Шимозерской волости Лодейнопольского уезда один охотник М. Петров за 10 зим (1876—1885 годы) указал другим охотникам 310 берлог и лично убил 80 медведей⁸¹, то есть в среднем по 8 за зиму.

При плохом оружии охота на медведя была делом нешуточным, тем не менее находились смельчаки, которые зимой выманивали медведей из берлог. Подойдя к берлоге на 10—15 шагов, охотники начинали стрелять, чтобы спугнуть зверя, и, когда тот, рассерженный, выскакивал из логовища, стреляли на поражение. Отправляясь на промысел, охотники, кроме ружья, брали на всякий случай и рогатину. Но прибегали к ней крайне редко, лишь когда медведь нападал врасплох или охотник промахивался при стрельбе. Пустить рогатину в ход означало испортить шкуру, а шкура стоила недешево.

Волков ловили в ямы, которые покрывали тонкими прутьями и мхом, по рылому снегу охотились за ними на лыжах, стреляли в волков из саней, привлекая их лаем и визгом собаки, которую специально дразнили. Иногда волков, как и медведей, травили стрихнином, ловили в капканы.

Из дичи в Вытегорском уезде заготавливали больше всего рябчиков и тетеревов. Лучшим временем для охоты на них была осень. Из ружей дичь били редко, предпочитая другой, более дешевый способ ловли — силками⁸². Места в лесу у охотников были распределены между собой — каждый шел по своим, известным только ему тропам и ставил силки. Через некоторое время, обходя их, забирал пойманную дичь. Место, однажды занятое кем-то, считалось собственностью

и передавалось по наследству. Подростки ставили силки недалеко от деревни, около полей, по окраинам близлежащих болот, у лесных ручьев.

Весной изредка охотились на глухарей и тетеревов на токах. Поздней осенью для охоты на тетеревов использовали чучела. В Кондушской волости такой вид охоты назывался «лов тетеревей на чучела». Выбирали место на пригорке, рядом с болотом, чтобы неподалеку росло несколько ветвистых сосен и берез. Ставили из срубленных елочек конусообразный шалаш, очень тщательно прикрывали его ветвями, оставляя в стенках шалаша несколько отверстий для ружья. Рано утром, до восхода солнца, сюда приходил охотник, выставлял на высоких, чуть повыше окружающих сосен и берез шестах чучела и садился в шалаш. Чучела шили из черного сукна по выкройкам, внутрь вкладывали шерсть или сено, хвост вставляли настоящий. «Лет» птиц начинался сразу же после восхода солнца и продолжался не больше часа. Иногда даже целая стая садилась к мнимым своим товарищам⁸³. В Коштугской волости для охоты на тетеревов, глухарей и рябчиков осенью использовались ловушки — «ступы»⁸⁴.

Дичь и добытого зверя охотники чаще всего сдавали скупщикам, редко — за деньги, а чаще всего — за различные товары. Скупщики были, как правило, из Каргополя, там меха и выделывали⁸⁵. Некоторые охотники сбывали шкурки зверей на ярмарке в Вытегре.

* * *

В настоящей статье сделана попытка осветить неземледельческие занятия населения Вытегорского уезда в конце XIX — начале XX века, в которых участвовало более или менее значительное число местных крестьян. Что же касается кустарных промыслов, то они, несмотря на обилие природного сырья, были развиты слабо, что неоднократно отмечалось в документах Вытегорского уездного земского собрания. Например, в 1908 году производством деревянной посуды, мебели, саней, колес, корзин, изделий из глины и другими промыслами было занято всего лишь 310 человек, заработавших около 4000 рублей. Из них 150 человек занималось гончарным производством⁸⁶. Конечно, орудия труда, предметы домашнего обихода для личного потребления изготовляли многие вытегорские крестьяне. Но это уже тема отдельного разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Олонецкая губерния. Статистический справочник / Составлен статистическим бюро Олонецкой губернской земской управы. Издание Олонецкого губернского земства. Петрозаводск, 1913. С. 1.
- 2 Вытегорский уезд. (Из объяснительной записки статского советника В. А. Стояревского). Статистические материалы // ОГВ. 1891. № 8. С. 87.
- 3 Олонецкая губерния. Статистический справочник... С. 23.
- 4 Вытегорский уезд // ОГВ. 1891. № 9. С. 99.
- 5 Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Т. VII А. СПб., 1892. С. 567; История северного крестьянства. Т. II. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985. С. 73.
- 6 Олонецкая губерния. Статистический справочник... С. 51.
- 7 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. В. П. Семенова. Т. III. Озерная область. СПб., 1900. С. 194.
- 8 Промыслы городского и сельского населения Олонецкой губернии в 1878 году // ОГВ. 1879. № 46. С. 561; Промыслы городского и сельского населения Олонецкой губернии в 1879 году // ОГВ. 1880. № 68; Промыслы сельского населения Олонецкой губернии в 1890 году // ОГВ. 1891. № 53. С. 533; ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35/1. Л. 15; Д. 48/3. Л. 12.
- 9 Вытегорская волость. Из записок статистика // ВОГЗ. 1910. № 21. С. 7.
- 10 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 53/82. Л. 25.
- 11 Митягов И. М. На память потомкам. Воспоминания (фонды ВКМ).
- 12 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26/6. Л. 10; ВОГЗ. 1909. № 11.
- 13 ОГВ. 1900. № 17.
- 14 Олонецкая губерния. Статистический справочник... С. 153.
- 15 Лесные заготовки в Вытегорском уезде в 1882 году // ОГВ. 1883. № 71. С. 715; Вытегорский уезд // ОГВ. 1891. № 8. С. 87.
- 16 Состояние сельской промышленности в Олонецкой губернии в 1877 году. Промыслы сельского населения // ОГВ. 1878. № 45. С. 553.
- 17 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35/1. Л. 15; Д. 48/3. Л. 11.
- 18 Митягов И. М. Указ. соч.
- 19 Там же. С. 32.
- 20 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35/1. Л. 16; Олонецкая губерния. Статистический справочник... С. 52.
- 21 Судходство на Марининской системе в 1888 году // ОГВ. 1889. № 14. С. 150—151; Вытегра // ОГВ. 1889. № 19. С. 209.
- 22 Тягловый промысел на Марининской системе в пределах Олонецкой губернии // ОГВ. 1891. № 5. С. 51.
- 23 Россия. Полное географическое описание... С. 216.
- 24 Тягловый промысел на Марининской системе...; Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики, этнографии Олонецкого края. Издание Олонецкого губернского статистического комитета. Петрозаводск, 1894. С. 367—381.
- 25 Статистический очерк о судорабочих Марининской водной системы заведующего Рубежской больницей врача Анатолия Шепилевского // ОГВ. 1891. № 90. С. 915; № 91. С. 926.
- 26 Статистический очерк о судорабочих... // ОГВ. 1891. № 90. С. 916.
- 27 Вытегорский уезд // ОГВ. 1891. № 12. С. 124.

²⁸ Рубежская больница содержалась на средства Вытегорского земства для судорабочих Марининской водной системы. До 1909 года она работала только во время навигации. С 1 февраля 1909 года Рубежская больница из временной превратилась в постоянную. (См.: Отчет и доклад о медицине по 2-му медицинскому участку Вытегорского уезда за 1908 год // Журналы Вытегорского уездного земского собрания XVI трехлетия 1-й очередной сессии и чрезвычайного 21 июля 1909 г. и доклады управы. Вытегра, 1909.)

²⁹ Статистический очерк о судорабочих... // ОГВ. 1891. № 88. С. 895.

³⁰ Там же. № 89. С. 906.

³¹ Вытегорские Кондуши. Материалы для истории и этнографии // ОГВ. 1874. № 9. С. 109.

³² Тягловый промысел на Марининской системе в пределах Олонецкой губернии // ОГВ. 1891. № 6. С. 64.

³³ Там же. № 5. С. 52; № 6. С. 64.

³⁴ Вытегорский уезд // ОГВ. 1891. № 12. С. 124.

³⁵ Россия. Полное географическое описание... С. 170.

³⁶ Доклад управы № 29 «О заработках местного населения за 1908 год» // Журналы Вытегорского очередного земского собрания XVI трехлетия 1-й очередной сессии и чрезвычайного 21 июля 1909 г. и доклады управы. Вытегра, 1909.

³⁷ ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35/1. Л. 16; Д. 48/3. Л. 12.

³⁸ Бечева и чалочные канаты (чалки) применялись для причаливания судов.

³⁹ Барка — деревянная баржа.

⁴⁰ М и т я г о в И. М. Указ. соч.

⁴¹ О з е р е ц к о в с к и й Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 185.

⁴² ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 27/4. Л. 18.

⁴³ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. Издание Олонецкого губернского земства. СПб., 1910. С. 239—240.

⁴⁴ Там же. С. 122.

⁴⁵ Город Вытегра. Исторические материалы // ОГВ. 1880. № 32. С. 424.

⁴⁶ Ископаемые продукты в Вытегорском уезде // ОГВ. 1871. № 76. С. 877.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ОГВ. 1871. № 7. С. 92.

⁴⁹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края... С. 239—240.

⁵⁰ Ископаемые продукты в Вытегорском уезде... С. 877.

⁵¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края... С. 131, 246.

⁵² Там же. С. 125.

⁵³ В 70-х годах XIX века производство пушек на Александровском заводе прекратилось, и он стал снарядолитейным. Завод также выпускал детали паровых и прядильных машин, производил художественное литье. (См.: Путеводитель по ЦГА Карельской АССР. Петрозаводск, 1963. С. 63.)

⁵⁴ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края... С. 56, 125.

⁵⁵ Там же. С. 129—130.

⁵⁶ Россия. Полное географическое описание... С. 403, 404; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края... С. 80.

- 57 Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края... С. 64.
- 58 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35/1. Л. 16; Д. 48/3. Л. 11.
- 59 Олонецкая губерния. Статистический справочник... С. 52.
- 60 Естественные и экономические условия рыболовного промысла в Олонецкой губернии. Издание Олонецкого губернского земства. Петрозаводск, 1915. С. 128; Состояние сельской промышленности в Олонецкой губернии в 1877 году. Промыслы сельского населения // ОГВ. 1878. № 44. С. 540.
- 61 Естественные и экономические условия рыболовного промысла... С. 232.
- 62 Там же. С. 241—243.
- 63 Там же. С. 246.
- 64 Там же. С. 250; ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 22/22. Л. 46; Д. 39/7. Л. 68; Вытегорская волость. Из записок статистика // ВОГЭ. 1910. № 21. С. 7.
- 65 Петропавловский приход // ОГВ. 1884. № 30. С. 301; М а к л и о н о в К. Сойда // ОГВ. 1878. № 20. С. 265.
- 66 Бродец — большой, метра 2,5 — 3,0 в длину, мешок, постепенно суживающийся книзу. В верхней части мешка прикреплялись два батога (палки), служившие ручками. Два человека шли по реке, держа бродец за ручки, а третий загонял в него рыбу. (См.: Отчет о встрече со старожилом города Вытегры Н. С. Логиновой. Фонды ВКМ.)
- 67 Поляков И. С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 57; Рыболовство на Онежском озере. Отчет Министерству земледелия и государственных имуществ Н. Н. Пушкарева. СПб., 1900. С. 37, 50; Из записок статистика. Ковжский приход Бадожской волости // ВОГЭ. 1910. № 13. С. 20; Петропавловский приход // ОГВ. 1884. № 30. С. 301.
- 68 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 39/7. Л. 66; Поляков И. С. Указ. соч. С. 57; Рыболовство на Онежском озере... С. 232; Олонецкий край / Под ред. В. Р. Фрейндлиха. Изд. 3-е. СПб., 1910. С. 28; М а к л и о н о в К. Указ. соч. С. 265.
- 69 Сима устраивается следующим образом: «Ставится где-нибудь недалеко от берега якорь, проще сказать, камень с привязанным к нему деревянным шестом, который чуть-чуть вырезывается из воды; к этому шесту привязывают закрученную льняную веревочку, правильнее нитку, в 1/4 дюйма в диаметре, которая другим своим концом подвязывается к такому же шесту, поставленному на противоположной стороне, сажень 30—40 от первого, а по ней, на расстоянии один от другого двух аршин, подвязываются на льняной же нитке, длиной в 1 1/2 аршина, крючки очень простого устройства, обыкновенно употребляемые для лова судаков. Крючки наживляются крупными червями...» (См.: Петропавловский приход // ОГВ. 1884. № 30. С. 301.)
- 70 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 39/7. Л. 66; Олонецкий край... С. 28; Рыболовство на Онежском озере... С. 256, 258; Ундозерский приход Коштутской волости Вытегорского уезда. Из путевых наблюдений // ОГВ. 1883. № 96. С. 952; Вытегорский уезд // ОГВ. 1891. № 11. С. 116.
- 71 Несчастье при рыбной ловле // ОГВ. 1887. № 92. С. 850.
- 72 Естественные и экономические условия рыбного промысла... С. 273, 274, 284; Ундозерский приход... С. 952.
- 73 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 22/22. Л. 46; Д. 39/7. Л. 68; М а к л и о н о в К. Указ. соч. С. 265; Вытегорский уезд // ОГВ. 1891. № 11. С. 116.
- 74 Поляков И. С. Указ. соч. С. 96—97.
- 75 ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 22/22. Л. 46; Д. 39/7. Л. 68.

⁷⁶ Там же. Д. 39/7. Л. 65; М и н о р с к и й П. Очерк охоты в Кондушской волости Вытегорского уезда за 1881 год // ОГВ. 1882. № 55. С. 594.

⁷⁷ ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 39/7. Л. 67; М и н о р с к и й П. Очерк охоты в Кондушской волости // ОГВ. 1882. № 56. С. 604.

⁷⁸ Промыслы городского и сельского населения Олонецкой губернии в 1878 году // ОГВ. 1879. № 43. С. 519.

⁷⁹ Олонецкий край... С. 26; М и н о р с к и й П. Очерк охоты в Кондушской волости // ОГВ. 1882. № 56. С. 604.

⁸⁰ Б е с е д н и к о в Н. М. Медведи и волки в Кондушской волости Вытегорского уезда // ОГВ. 1879. № 68. С. 810.

⁸¹ Медведи и их обходы // ОГВ. 1886. № 9. С. 95.

⁸² Силки — петли для ловли птиц и мелких животных.

⁸³ М и н о р с к и й П. Очерк охоты в Кондушской волости... // ОГВ. 1882. № 59. С. 637.

⁸⁴ П о л о т е б н о в Ф. Описание ловушки «ступы» и способ ловли ею дичи в Коштугской волости Вытегорского уезда // ОГВ. 1891. № 7. С. 73.

⁸⁵ П о л я к о в И. С. Указ. соч. С. 98.

⁸⁶ Доклад управы № 29...

